

Элизабет Симпсон

Обычная сказка

12+

Симпсон Элизабет

Обычная сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22609544

SelfPub; 2018

Аннотация

Несмотря на то, что изначально книга была задумана как философские размышления об ответственности за чужую жизнь, единстве с окружающим миром, независимости формы от содержания, роли фатума и судьбы, пересечении пространств и времен в наших душах и...много о чем еще – в результате, получился практически типичный женский роман в стиле фэнтези. Вот только в нём нет ни малейшего намёка на эротику, сцены насилия или драки. Потому что "Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь" (А.Экзюпери).

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1.	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Элизабет Симпсон. Обычная сказка.

Часть 1.

Глава 1.

Из миража, из ничего,

Из сумасбродства моего

Вдруг возникает чей-то лик

И обретает цвет и звук,

И плоть и страсть...

(Ю.Ким)

*01 Зима – I – allegro non morto**

Закат. Зимний закат. Все наши, верно, уже спят и видят расчудесные сны, да и мне пора, а вот не спится, не засыпается что-то... Сажу на ветке своего дерева, смотрю, не мигая, на плавающий в вечернем морозном небе шар красного золота, медленно сползающий к горизонту. Мое дерево – на

самой окраине Леса, поэтому отсюда хорошо видны пологие белые холмы и заснеженные поля, тянущиеся, кажется, до самого неба.

Сижу, нахохлившись замерзшим воронёнком, хоть мне совершенно не холодно. Занята до крайности. Как старый скряга, склонившийся над потайным своим сундучком, перебираю такие драгоценные и такие запретные для меня воспоминания об ином. Воспоминания? Нет: скорее, жалкие обрывки, призраки, клочки осеннего тумана. Я уже давно не стараюсь изо всех сил вспомнить что-то конкретное (знаю – бесполезно!), просто приятно так вот сидеть и чувствовать, что в памяти есть что-то еще, кроме прожитых здесь лет... Как почти слепая, вижу неясные пятна, игру тени и света... и цвета... радужные переливы нездешних эмоций.

Внезапно позади меня раздается полувыдох-полувскрик: «Эй!!!...». Оборачиваюсь. Смотрю вниз. Прямо за моим деревом, провалившись в снег почти по колено, к замершему клену приник парень, обеими руками вцепившись в припорошенный белой крупой ствол, словно в только что обретенного брата.

Вот это да! Откуда он тут взялся? Видимо, я слишком глубоко погрузилась в свои мысли и пропустила его приход. Не слышала скрипа снега, не слышала неизбежного тяжелого дыхания (полагаю, человеку трудновато бродить по Лесу, увязая в снегу по колено, а местами и выше!).

У парня побелевшее, несмотря на мороз, лицо, неестественно широко распахнутые глаза и полуоткрытый рот. Еще вскрик-выдох от клена: «Ты кто?!...».

Я всерьез растеряна и, еще не вынырнув полностью из своих странных воспоминаний, произношу первое, что приходит в голову: «Я ...Это я...!»

– Почему, ну почему же он смог меня увидеть?! Это же невозможно! Такого не бы-ва-ет!!!

Я была взбудоражена до последней степени от сего крутого поворота, куда меня внезапно вынесла тихая река моей жизни. Поэтому не только задавала громкие вопросы, но и вышагивала нервно краткое расстояние между двух припорошенных снегом невысоких елочек – туда и обратно. Однако, натопанной тропинки под моими ногами до сих пор не было видно...

Старец же, как всегда, был терпелив к особенностям моего темперамента, и, к моему большому сожалению, нетороплив – тоже как всегда:

– Всему, так сказать, виной, неудачное стечение сразу нескольких обстоятельств. Каждое из них весьма маловероятно, даже по отдельности, а их сочетание – вообще, практически, невозможно. Тем не менее... Это случилось... Итак....

Старец выдержал паузу, словно собираясь с мыслями, и продолжал – тем тоном, каким учил когда-то всех нас, быв-

ших маленькими несмышленишками-желторотиками, азам жизни Леса.

– С одной стороны: свойства наших тел таковы, что неподготовленный человеческий глаз может разглядеть их, так сказать, слабые контуры, только если будет смотреть на солнечный свет... То есть я имею в виду – смотреть на солнце, но – сквозь кого-то из нас. Причем, без использования каких-либо приглушающих свет, так сказать, приспособлений. А это ни коим образом не входит в обычные человеческие привычки...

– А подготовленный человеческий глаз, значит, может нас разглядеть и в других случаях?! Как это – «подготовленный»? – не очень-то вежливо перебила я Старца.

Он сердито поджал губы и слегка нахмурился, но всё же он ответил:

– Чтобы разглядеть нас в обычных условиях – нужно твердо знать, так сказать, ЧТО именно нужно увидеть. Человеческое сознание часто отказывается, так сказать верить, что видит подобных нам, поскольку мы для него не существуем...нет достаточно сильных проявлений нашего существования в их мировосприятии. Но это нас вполне устраивает. Мы не хотим общаться с ними! (В голосе Старца неожиданно проступили и загромыхали предвестники грозы) Они слишком ... безответственны... безжалостны... к окружающему... даже к своим же... Впрочем (Старец взял себя в руки и дальше продолжил своим обычным спокойным то-

ном)... это отдельная тема для беседы, не сейчас... Итак (еще одна пауза, снова тяжкое испытание для моего терпения!)...

– С другой стороны... Встретиться с нами можно только в Лесу. Но, к счастью, люди – не такие уж частые гости у нас. Да, к счастью!

Теперь в голосе Старца явно проявились недовольные нотки. Кажется, он, пользуясь случаем, снова решил меня повоспитывать... как всегда! Ладно, примем вид повинный и покорный, перестанем нервно бегать между елками ...

– Причем, – продолжал Старец. – Мы обычно не сидим на ветках... так сказать, покачивая ножками (а вот это уже, точно – увесистая шишка в мою сторону!)... А занимаемся делами, важными для Мировой Гармонии... !И находимся примерно на одном уровне, так сказать, на одной высоте с людьми. Солнце же, как правило, расположено на небе, намного выше наших голов, то есть никто из нас не может попасть на линию человеческого взгляда, направленного на солнце... Кроме того, ни один из нас, в здравом уме и твердой памяти не будет, так сказать, замшелым пнём торчать долго рядом с человеком – незачем это делать, это бессмысленно! ... В твоём случае еще и зимнее закатное солнце светило не настолько ослепляющее ярко. Поэтому он увидел тебя. И самое главное... (тут воспитательные нотки исчезли из его голоса, и он стал суровее и печальнее одновременно) именно в эти минуты... ты как раз опять думала о, так ска-

зять, запретном! Все запреты – не ради самих запретов, как ты не поймешь! Я уже много раз говорил тебе – нельзя постоянно вспоминать свою прошлую жизнь. От этого меняются свойства твоего тела. Оно становится более... – Старец замаялся, а потом решительно закончил:

– Тебе должно быть знакомо это слово – более материальным.

Я действительно поняла смысл этого слова. И сомневаюсь, чтоб его понял еще кто-либо из наших. ... А Старец, с напором и, одновременно, будто умоляя меня образумиться, продолжал:

– Ты напрасно пытаешься вспомнить что-то! Ты – словно вампир, пришедший в дом, где жил когда-то человеком... И дом для тебя будет уже не тот, и все, кто давно знали и любили тебя (и уже давно оплакали тебя!) – тоже не те, совсем не те!...

И тут все мое с трудом собранное по всем закоулочкам души терпение мгновенно, со звоном лопнуло. Вся напускная покорность и спокойствие слетели осенним листом под порывом ветра:

– А кто любил меня, кто...?!! Где был мой дом, ты знаешь?...

Старец резко замолчал на полуслове. Глянул на меня – со всей своей многовековой усталостью. И – сожалением. Вздыхнул тяжело.

Ответа я так и не дождалась...

Ко всем главам I части даны названия произведений из цикла А.Вивальди «Времена года», под музыку которых персонажи события «Сказки» являлись к ее автору.

Глава 2

02 Осень – I – Allegro

– Я когда увидел тебя – ну просто рассудок чуть не потерял! – признавался мне Он много позже. – Вот только что я был один. Совсем один! Нарочно уехал ото всех подальше (надоели!), чтоб побыть наедине со своими мыслями, забрел в лес, мне было грустно и тоскливо ... А потом думаю – сколько ж я тут хожу, надо бы, верно, уже домой собираться, чтоб до темноты... Где там наше солнышко – скоро ли закатится?... Смотрю на солнце, а сквозь него вижу – силуэт на ветке, полупрозрачный, человеческий. Сидит себе – ножками болтает потихоньку... Сначала глазам не поверил: подумал – это от того, что на солнце смотрю, с глазами что-то... Протер глаза – раз, другой... и... – тут Он еще раз изобразил свое немыслимое удивление, и мы оба громко и радостно расхохотались.

Много у нас было тогда радости – общей, на двоих...

Второй раз Он пришел в Лес только через неделю, задолго до заката.

Подошел к моему дереву, у которого мы встретились, слегка отряхнул снег со ствола, снял перчатку и осторожно погладил кору в этом месте.

Я в это время дремала, как и почти все дриады зимой –

большую часть суток. Но необычно приятное тепло от Его пальцев почувствовала и пробудилась – потянула руки, только что бывшие единым целым с ветвями ...

А когда Он тихонько, смущаясь, позвал «Эй...» я рассмеялась от Его смущения и, окончательно отделив свое тело от дерева, легко преодолев тонкую ткань коры, вышла из ствола. Он услышал мой смех, но меня на этот раз не разглядел, и глаза его, как и в прошлую нашу встречу, стали испуганными.

– Ты... здесь?

– Да.... Какой ты смешной!

– А почему я тебя не вижу, как тогда?

– Потому что не смотришь... Вспомни, что ты меня уже видел, а значит – можешь видеть, нужно только внимательно присмотреться ... А я постараюсь тебе помочь! Смотри... смотри...

Забыв (а точнее было бы сказать – нарочно отвергнув!) запреты Старца, я стала думать, как и при нашей первой встрече, о тех видениях, что хранились где-то в запертом чулане моей памяти, дверца в котором была достаточно неаккуратно сделана, и сквозь довольно большие зазоры в ней просматривалось...

– ВИЖУ!!!!!! – неожиданно заорал Он чуть не на весь Лес. От такого вопля все видения разом вылетели у меня из головы!

– Вот она – ТЫ!!!! – Он чуть не приплясывал на месте от

удовольствия, что у него получилось!

– Эй...!!!!!! – попытался взять меня за руку, но, как я и ожидала, Его ладонь прошла сквозь мое запястье Восторженность в Его глазах погасла.

– Так... ты что же... действительно ... призрак?

– Я не призрак! – немного обиженно ответила я. И ничего общего с ними не имею! Я настоящая дриада! Вы, кажется, зовете нас лесными русалками...И не надо хватать меня за руки! Все равно не получится – у нас слишком разные тела. «Разные» – не просто у тебя и у меня, а вообще – у дриад и у людей...

– А... – в его голосе кислым молоком плеснуло разочарование.

– Ладно, а какой ты меня видишь, расскажи?

– Ну ты такая... Правда, очень неясно я тебя вижу ... но лучше, чем в первый раз!... будто смотрю прямо, а ты стоишь где-то сбоку от меня ...вроде бы и есть – и вроде бы и нет... силуэт такой... (Он хмыкнул и принялся довольно бесцеремонно меня оглядывать)...в зелено-белых ленточках, что ли, с косичками...А чего косичек столько много? – Он опять улыбнулся.

– Не люблю ходить растрепанной! – ответно улыбнулась я.

На самом деле, сколько я себя помнила, я всегда и везде выглядела одинаково...Да и мои соплеменники тоже...И Старец...Ветки не царапали нашу кожу, ветер не трепал во-

лосы, ткань на одеждах не мялась и не изнашивалась..

Мы были свободны от физического воздействия этого мира ... почти...

Мы с Ним гонялись друг за другом на небольшой опушке застывшего в зимнем сне Леса... Он безнадежно увязал в снегу, и я немножко Ему подыгрывала! Он лепил снежки и, хохоча, кидался в меня. Неизбежно промахивался и попадал в окружающие нас деревья. Я, тоже смеясь, уворачивалась, хотя мне не было в этом надобности: все снежки, слепленные Его руками, и вроде бы попадающие в цель, пролетали сквозь меня, оставляя лишь мимолетное ощущение дуновения морозного ветерка...

Все наши были погружены в неглубокую зимнюю спячку, просыпаясь только изредка, если у Леса возникала в них надобность. Они копили силы и энергию для той поры, когда работы для них будет очень и очень много. А мне было не до сна. Мы беседовали с моим новым знакомым.

Нет, Он являлся не каждый день – у него были свои дела, своя, отдельная от меня, довольно насыщенная жизнь. Когда же Он пытался мне рассказать о ней – странно! – я почти все понимала, но оставалось ощущение, что многие из Его

дел бессмысленны и служат каким-то пустым целям.

И если я Ему говорила о своих сомнениях – Он в большинстве случаев соглашался со мной, но и не собирался прекращать своих занятий, поскольку «так все делают! это просто нужно, чтобы нормально жить, как все, не хуже, и даже лучше многих!» и предлагал мне не морочить голову такой ерундой...

Я же часто и подолгу рассказывала Ему о своей лесной жизни – когда по Его расспросам, когда только потому, что хотела с ним поделиться своими знаниями, впечатлениями, мыслями... Даже как-то поведала о своих смутных видениях из жизни прошлой, с тайной надеждой, что Он что-то из моих расплывчатых образов опознает, и видение примет более конкретные черты, но... И Он, вроде бы, меня понял, но только восхищенно протянул «ох!... вот это дааа!... красиво!!! Интересно!!! Жаль, Русалочка, что я никогда ничего подобного не встречал у нас!»...

Он почти сразу стал называть меня так: Русалочка. Хотя я была всего лишь одна из многих дриад-русалок, живущих в Лесу.

Глава 3

03 Весна – I – Allegro

Наступила весна, и вся накопленная нами за время зимней полуспячки энергия была востребована сполна!

Хотя у меня лично не было постоянных подопечных, работы все равно было много, потому что интенсивный рост и резкое пополнение численности Живых в окружающем мире требовало соответствующей заботы дриад. Поэтому даже моя работа «на подхвате» была очень кстати. Впрочем, иногда я подозревала, что меня просят что-либо сделать исключительно для того, чтобы я не чувствовала себя здесь лишней...

А потом приходил Он, ждал, пока я закончу работу, или же, наблюдая мою всепоглощающую занятость, грустнел и прощался, с тем чтобы прийти на следующий день. Даже пытался мне помогать – конечно, в силу того, что он был человеком – не очень-то успешно. А когда Дело было сделано, и выдавалась свободные минутки – мы снова вместе гуляли по лесу, я рассказывала ему про все, что встречалось нам, и отвечала на его расспросы про нашу лесную жизнь...

– Видишь? – я указала Ему на дерево, приметное среди других.

Его соседи, окропленные, как благословением Весны, брызгами нежной зелени листьев, легко перебирали ветвями от едва заметного ветерка, радостно встречая солнечный свет, наслаждаясь соками мягкой, оттаявшей от тяжелого зимнего сна земли.

А это – застыло, горестно скрючившись, будто отмеченное знаком беды, и даже самого малого зелёного пятнышка не было на нём, и птицы, кажется, навсегда покинули его сухие, корявые ветви, хотя от соседних деревьев то и дело раздавались звенящие, наполняющие собой весенний прозрачный воздух, трели.

– Но ты же ему поможешь, да? – вопрос был насквозь пропитан полной уверенностью в моей абсолютной победе над этим несчастьем. О! Если бы всё было так...

Промолчала я, не стала вслух отвечать. Подошла и приложила обе ладони к стволу, проникая чуть глубже сухой, горькой даже на ощупь коры. Жизнь едва теплилась в несчастном. И только в самой сердцевине, еле тлел и никак не мог погаснуть крохотный огонек последней надежды, но считанные дни оставались до того, как он исчезнет навсегда – а, возможно, это бы случилось уже сегодняшней ночью.

И я обратилась к нему – сирому и убогому Живому, покинутому всеми, обратилась на нашем языке.

Я Пела. Я выплетала всеми силами своей души полифонический узор Песни, в которой было напоминание о небесном свете и радости земной, о солнечных теплых днях и о

спокойных ночах, несущих освежающую прохладу.

О птицах, чье пение наполняет сердце человека тихим светом, а дереву приносит чувство счастья, особенно когда в сплетении ветвей проклевывается своими нежными клювиками новая птичья жизнь.

О ласковом теплом дожде, что смывает любую грязь со ствола, ветвей и дает подземным корням живую влагу.

О строгих муравьишках, снующих без усталости по стволу с важными делами, чей целеустремленный топоток напоминает о том, что и сиюминутное – важно.

И о влюбленных парочках, томными летними вечерами выбирающих ствол с низкими ветвями как легкое укрытие от нескромных взглядов, и распространяющих на деревья, сами того не зная, как высшую благодать – ту часть своих чувств, что настолько глубока, что сказать словами о ней невозможно ...

Я плела-пела эту песню, от легкого, нежного пиано – через поднимающуюся волну крещендо – к радостно бушующему форте – и была она без единого слова, но полна любви – и к жизни, ко всем ее проявлениям – и ко всему этому миру, такому сложному, такому разному, но такому близкому для любого из Живых.

И вскоре ощутила: тихий огонек сущности дерева подхватил, вплет свой голосок в разноцветные нити моей песни, цепляясь за них как за спасательные канаты, и сам внезапно

поменял тональность, стал более уверенным, начал медленно укрепляться, расти... и сухая, почти безжизненная ткань под моими руками начала просыпаться, оттаивать, медленно наполняться желанием жить дальше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.